
ТЕОРИЯ МЕТОДОВ

И.Ф. Девятко
(Москва)

О ТЕОРЕТИЧЕСКИХ МОДЕЛЯХ, ОБЪЯСНЯЮЩИХ ВОСПРИЯТИЕ СПРАВЕДЛИВОСТИ НА МИКРО-, МЕЗО- И МАКРОУРОВНЯХ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

В статье анализируются возможности построения многоуровневой теоретической модели, описывающей обусловленные социальным контекстом различия в восприятии и оценке справедливости распределения. Предлагается типология таких контекстов, соответствующая микро-, мезо- и макроуровням социальной организации. На примере вторичного анализа эмпирических данных демонстрируется объяснительный потенциал предлагаемого неэволюционного «уровневого» подхода.

Ключевые слова: восприятие справедливости, многоуровневая объяснительная модель, неэволюционный подход, контекстные теории восприятия справедливости, социальная справедливость.

Попытки теоретического осмысления проблемы справедливости в социальных науках часто фокусируются на многомерной природе самого этого понятия. Большинство теорий отталкиваются от ее определения как моральной ценности, формулируемой в виде абстрактного принципа (например, «дать каждому равную долю», «дать каждому то, что он заслуживает», «дать

Инна Феликсовна Девятко – доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой анализа социальных институтов ГУ–ВШЭ, зав. отделом теории и истории социологии Института социологии РАН. E-mails: deviatko@aha.ru, deviatko@gmail.com.

то, на что он имеет право»), развивая затем интерпретацию этого принципа в различных контекстах (политических, экономических и правовых). Иногда философские теории пытаются совместить справедливость с другими важными моральными ценностями, подобными свободе или милосердию. Множественность предлагаемых нормативных принципов и многообразие таких контекстов делают невозможной достаточно простую концептуализацию справедливости в ее различных смыслах, порождая своего рода проблему «несоизмеримости» трактовок. Эта зависимость идеи справедливости от интерпретативных рамок проявляется как в философских, так и в социально-научных теориях, осложняясь в последнем случае хорошо известными трудностями введения ценностно-нагруженных нормативных понятий в *объяснительные модели* наук об обществе. Некоторые современные социологические теории выводят «мирскую» причинную эффективность этических идеалов, их способность воздействовать на поведение людей из инструментальных норм социального обмена и сотрудничества, другие – из процессов социального сравнения (в том числе *inter alia* – зависть). Классические теории включают в себя также указания на первоисточник обязывающей силы идеалов (влияния коллективного сознания у Э. Дюркгейма или предельные ценности, составляющие «метафизическое окружение» системы действия, у Т. Парсонса).

Ряд авторов [1; 2] настаивает на несводимой множественности концептуальных интерпретаций, моральных и правовых кодификаций и процедурных воплощений социальной справедливости, относящихся к различным сферам или единичным контекстам обсуждения, оценки и восприятия. В результате современная социальная и политическая философия изобилует «*аксиологическими*» моделями справедливости, в которых нормативные принципы дистрибутивной справедливости выводятся не только из ценностей самих по себе, но и из вспомогательных предположений, описывающих человеческую природу, а также «*социаль-*

ную онтологию», конкретизирующую экономический и социальный контекст, в котором действуют индивидуальные и коллективные акторы. Эти вспомогательные предположения позволяют понять, каким образом ценности не только признаются или отвергаются акторами, но и воздействуют на их поступки (или не оказывают влияния в силу связанных с контекстом особенностей их интерпретации).

Социологи также зачастую строят объяснительные модели *восприятия справедливости* либо эмоциональной *оценки честности* обмена или распределения, либо *принятия коллективных решений относительно справедливости* на вышеупомянутых нормативных принципах, дополненных описанием реальных социальных механизмов, порождающих соответствующие восприятия, эмоции и социальные действия. Как отмечают Р. Будон и Э. Бетон, объяснительная ценность философских концепций справедливости для социальных наук зависит от того, насколько вводимые ими контекстуальные предположения удовлетворяются в исследуемых реальных ситуациях и позволяют объяснить результаты эмпирических исследований [3]. Этими авторами предложена собственная теория – «*когнитивистская теория аксиологических чувств*», согласно которой оценивание индивидами справедливости решений или честности обмена является когнитивным процессом, сходным с оценкой истинности утверждений и основанным на сильных (хотя и не всегда осознаваемых) доводах (*strong reasons*), включающих в себя и факты о социальном мире, и нормативные принципы. Цель данной теории – объяснить разнообразную и противоречивую феноменологию процессов социального восприятия и оценки справедливости.

Нам представляется, что социологам следует продвинуться значительно дальше в указанном направлении и проанализировать специфические историко-эволюционные и институциональные контексты, в которых упомянутые сильные доводы и обоснования справедливости были впервые «открыты» и реализованы в социальной практике. Особый интерес представляют системати-

ческие различия в способах обоснования оценок справедливости, используемых субъектами на *микро*-, *мезо*- или *макроуровнях* социальной реальности. В исторической перспективе это отражает взаимосвязь между растущей трудностью возникающих «задач на поиск справедливого решения» и общей тенденцией к увеличению размера и сложности человеческих обществ¹ (т.е. сложностью «условий», которые должны приниматься во внимание при решении такой задачи²). Обращение к микро, мезо- и макроуровням анализа восприятия справедливости дает возможность уловить историко-эволюционную укорененность *принципов справедливости* в соответствующих различным уровням социальной организации *институциональных контекстах*, в которых могли исходно сформироваться убедительные доводы и обоснования справедливости. Такой подход позволяет использовать наши знания о том, как эволюционировали институциональные механизмы, сделавшие возможными становление и развитие сложных обществ (см. подробнее, например, [5]). Более того, исходя из него можно ввести описанную ниже предварительную типологию разноразмерных контекстов обоснования и восприятия справедливости, соответствующих различным уровням социальной организации и анализа социальной реальности³.

¹ С эволюционной точки зрения существует несомненная корреляция между численностью населения и возрастающей сложностью обществ: от простых обществ с минимальным актуальным и потенциальным «горизонтом социального взаимодействия» до «мегаобществ» с неограниченным диапазоном коммуникаций (например, общества охотников и собирателей имеют, по выборочным данным, медианный размер – 40, простые огороднические – 1500; развитые огороднические – 5250; аграрные – свыше 100000; индустриальные – 17000000) [4, р. 79].

² Так, например, задача справедливого распределения вознаграждения за участие в коллективном трудовом усилии с учетом различий в индивидуальных издержках, вкладах и уровнях квалификации могла возникнуть лишь в условиях развитой специализации трудовых функций и т.п.

³ Предложенная теоретическая типология учитывает пока в качестве ключевого типобразующего признака уровень социальной организации и, соответственно, микро-, мезо-, макроуровень социологического анализа. В качестве допол-

Тип 1 – *малые группы* (включая семью и родственные группы). В этом контексте предполагается преимущественно эгалитарное распределение материальных благ и в некоторых случаях основанное на эффективности распределения ресурсов. Неравенство в распределении благ допустимо, носит компенсаторный характер и пропорционально степени близости/родства¹.

Тип 2 – *большие группы, небольшие организации и коллективные действия*². Здесь сильные доводы, определяющие восприятие справедливости и честности, могут быть формализованы с помощью принципов реципрокного обмена³ и дистрибутивной справедливости для распределения совокупного дохода и

нительных признаков использованы характеристики социального обмена на рассматриваемом уровне организации (паттерны и объекты обмена – например, реципрокный обмен благами, продуктивный обмен ресурсами и т.п.). Типология носит предварительный характер, поэтому в данной работе рассмотрены не все возможные сочетания дополнительных признаков, характеризующих институциональный контекст восприятия справедливости. О теоретических типологиях и их использовании в социологическом анализе накопленных эмпирических данных см., в частности, [6, с. 56–59].

¹ Для описания допустимого, «справедливого» неравенства при невозмещаемой односторонней передаче («чистый дар») или компенсаторном перераспределении в контекстах семьи и родства зачастую применяется предложенный М. Салинзом термин «генерализованная реципрокность». Однако нами в статье он не используется в силу отсутствия детального обсуждения связи форм реципрокации со степенью родства [см. 7], а также опасности его смешивания с противоположным по смыслу термином «генерализованный (обобщенный) обмен» (см., например, [8]).

² Коллективное действие – коллективное поведение людей, характеризующееся целенаправленностью и осознанием зависимости желаемого результата от общих усилий участников. Это понятие обобщает идею совместного и скоординированного социального действия, осуществляемого несколькими действующими для достижения коллективных целей. Многие из достигаемых с помощью коллективного действия целей являются общественными благами и отражают результаты общественного выбора.

³ Реципрокный обмен имеет место, когда два или более действующих акторов обмениваются взаимно услугами или помощью в течение длительного времени без явных договоренностей.

прямых обменов в масштабах группы (Дж.К. Хоманс)¹. Для распределения ресурсов сохраняется роль принципа общественной эффективности.

Тип 3 – *сети обобщенного обмена* (в том числе, возникающие при односторонней передаче ресурсов, благ в рамках бескорыстной помощи, благотворительности) регулируются рефлексивными нормативными принципами, основанными на оценке репутации².

Тип 4 – *сложные общества*. В сложных политически стратифицированных обществах восприятие и оценка справедливости тесно связаны с нормативными принципами процедурной справедливости, легитимности общественных решений, касающихся распределения благ, и эффективности использования общественных ресурсов. Анализ накопленных данных о восприятии справедливости аллокации прав собственности на макроуровне (социальном) показывает некоторые объяснительные преимущества принципа правового основания для владения (*entitlement* по Р. Нозику [10]). Справедливым является любой результат правомочного присвоения никому не принадлежащего имущества либо добровольной правомерной передачи собственности («Распределение справедливо, если оно правомерным способом происходит из другого справедливого распределения»). Распределение общих ресурсов для производства общественных благ на этом уровне ориентировано на общественную эффективность.

На основе предложенной типологии рассмотрим возможности, открывающиеся для существенного продвижения в так назы-

¹ Воспринимаемая индивидом дистрибутивная справедливость в масштабах группы, по Хомансу, предполагает равенство соотношения между личными вкладами и вознаграждениями индивидуальных участников [9].

² Обобщенный обмен – развернутая во времени или пространстве потенциально замкнутая цепочка передачи услуг, благ или помощи, когда актер А помогает актору В, актер В – актору С и т.д. (т.е. донор не ожидает непосредственного и прямого получения реципрокной помощи или благ от непосредственного реципиента). См. также ссылку в сноске 1 на стр. 14.

ваемых *контекстных теориях справедливости*¹, к которым относится и вышеописанная «когнитивистская теория аксиологических чувств». Для этого мы обратимся с целью вторичного анализа к результатам, ранее полученным другими авторами в ряде эмпирических исследований восприятия справедливости, в том числе кросскультурных. Основная наша цель заключается в демонстрации перспективности очерченного социологического подхода к объяснению ряда противоречивых данных о влиянии контекста на оценку дистрибутивной и (отчасти) процедурной справедливости, накопленных преимущественно в социальной психологии, экспериментальной экономике и культурной антропологии.

Поскольку нашей частной задачей служит выявление сравнительных достоинств социологического подхода к теоретической интерпретации богатой феноменологии контекстных влияний на восприятие справедливости, нам нужно показать ограниченность уже существующих подходов, в частности, экономического. Удобной стартовой точкой для нас станут некоторые результаты, приведенные в эпохальной статье М. Яри и М. Бар-Хиллель «О делении по справедливости» [12]. Эти авторы формализовали совокупность механизмов распределения², реализующих раз-

¹ Этот термин был недавно предложен Дж. Коноу для обозначения ненормативных (позитивных) теорий справедливости, объясняющих эмпирические данные о восприятии справедливости обычными людьми. Последний подчеркивает, что «контекстные» теории, в отличие от разнообразных утилитаристских, либертарианских и эгалитаристских теорий, не вводят некий собственный принцип распределения, а исследуют «зависимость оценивания справедливости от (характеристик) контекста, таких как выбор людей и переменных, эффекты фрейминга и используемые процессы» [11, p. 1189].

² Механизм распределения задается как функция D , определяющаяся для каждой тройки (θ^1, θ^2, w) , где θ^1 и θ^2 характеризуют двух (в самом простом случае) индивидов в соответствии с их подлинными потребностями, вкусами или другой известной информацией, w – некоторое разделение набора благ между индивидами (впрочем, распределяться могут и не блага, а неприятности или издержки). Если для данного механизма обозначить долю набора благ, получаемого первым индивидом, как $D(\theta^1, \theta^2, w)$, то второй индивид получит соответственно $w - D(\theta^1, \theta^2, w)$.

личные критерии справедливого дележа: 1) соревновательное равновесие с исходно равным делением благ; 2) торг (аукцион) с исходно равным делением и равновесием по Нэшу либо в модификации Райфы-Калаи-Сморозинского, когда не пришедшие к соглашению стороны возвращаются к исходному делению набора благ пополам; 3) торг с исходной нулевой позиции, где неудача переговоров ведет к возврату к нулевому распределению благ; 4) утилитаристский механизм, максимизирующий суммарную полезность; 5) максимин – механизм, максимизирующий позицию самого «обделенного» из участников; 6) два варианта торга на Парето-оптимальном в сильном смысле множестве решений, когда при неудаче переговоров каждый участник получает лишь ту долю исходного набора распределяемых благ, которая не может принести выгоду никому другому (и, следовательно, относительно которой не существует конфликта интересов).

В этой работе авторы описали решения, предлагаемые каждым из перечисленных механизмов, для серии простейших задач с дележом между двумя индивидами набора, состоящего из равных количеств грейпфрутов и авокадо. Параметрами, которые систематически варьировались в этих задачах, были индивидуальные характеристики (θ^1, θ^2) , в качестве которых последовательно выступали различия в потребностях, вкусах или убеждениях условных индивидов-реципиентов (Джонса и Смита). С учетом информации о потребностях, убеждениях и т.п. вышеописанные распределительные механизмы приписывают индивидам различные функции полезности, отражающие результаты получения каждым участником определенного количества тех и других плодов, и определяют собственные (различные или совпадающие) численные решения задачи, основанные на заданных ин-

Распределяемый набор благ w может быть представлен как неотрицательный вектор, $w = (w_1, \dots, w_n)$, в n -мерном пространстве, где n соответствует количеству распределяемых благ, так что w_i -е – это количество i -го блага в подлежащем распределению наборе.

дивидуальных характеристиках. Ниже приведен пример задачи о потребностях (задача I).

Задача I: *Для различий в индивидуальных потребностях использовалась следующая виньетка: «В партии содержится 12 грейпфрутов и 12 авокадо, которые следует распределить между Джонсом и Смитом. При этом им известно, метаболизм Джонса позволяет ему получать 100 мг витамина F из каждого съеденного грейпфрута и нулевое количество этого витамина из авокадо, а метаболизм Смита – по 50 мг витамина F из каждого съеденного грейпфрута и из каждого авокадо. И тот и другой заинтересованы в потреблении и грейпфрутов, и авокадо лишь постольку, поскольку они являются источником витамина F, и чем в большем количестве, тем лучше. Все другие свойства этих плодов (такие как вкус, содержание калорий и т.п.) не имеют для них значения. Никакие сделки после раздела партии плодов невозможны. Как следует разделить плоды между Джонсом и Смитом, если дележ должен быть справедливым?» [12, р. 8].*

Далее решения, которые были получены с помощью разных формальных механизмов распределения, предъявлялись группам молодых людей, поступавших в университет, которые должны были выбрать один из предложенных вариантов решения задачи в качестве правильного, выступив, таким образом, в роли незаинтересованных арбитров.

Одним из важных результатов обсуждаемого исследования был следующий: даже при *идентичности* и формальных представлений задачи и решений, предлагавшихся каждым из механизмов распределения, люди *оценивали* эти решения по-разному, в зависимости от того, о чем шла речь – о различиях во вкусах, потребностях или субъективных убеждениях. Классификация этого результата как «эффекта фрейминга», влияния контекстуального эффекта и т.п. может служить лишь удобным описательным ярлыком, поскольку не позволяет *объяснить* характер различий в восприятии и оценке одних и тех же решений для однотипных задач, которые сводятся лишь к тому, с помощью какой пе-

ременной задана функция полезности (потребностей, вкусов как готовности купить неограниченное количество тех или иных плодов по фиксированной цене или субъективных убеждений относительно витаминной ценности плодов).

Систематический характер этих различий лишь подчеркивается тем дополнительным фактом, что распределение оценок для разных решений задачи о субъективных убеждениях, выставленных респондентами-профессиональными экономистами, «людьми, профессионально обученными удивленно поднимать брови при виде чего-либо, отдаленно напоминающего сомнительные межличностные сравнения [полезностей]», практически ничем не отличалось от распределения оценок основной группы опрошенных [12, р. 18]. Экономисты более чем в 50% случаев выбирали в качестве наилучшего распределение, уравнивающее *субъективно оцениваемые* Джонсом и Смитом витаминные ценности долей исходного набора при резком отступлении от абсолютного равенства долей. Этот выбор имел место в ситуации, когда по условиям задачи информация об объективной витаминной ценности плодов и для реципиентов, и для респондентов-арбитров недоступна, что предполагает, какова бы ни была эта ценность, она одинакова для обоих реципиентов. Возникает вопрос: *«Каким могло бы быть гипотетическое объяснение наблюдаемых различий с точки зрения вышеописанных микро-, мезо- и макросоциальных контекстов оценивания справедливости?»* В задаче о потребностях (см. выше) информация о метаболизме описывается как известная обоим реципиентам, что неявно предполагает возможность коммуникации и/или наличие каких-то разделяемых знаний об особенностях индивидуального метаболизма, а невозможность какого-либо торга после дележа может быть воспринята как косвенное подтверждение общей принадлежности реципиентов к первичной группе.

С точки зрения предполагаемого нами (см. выше) доминирования эгалитаристских концепций дистрибутивной справедливости на *микроуровне* социального взаимодействия (и применительно к при-

нятой «когнитивистской» модели моральных чувств Будона-Бетона) можно ожидать, что преимущество получат сильные доводы в пользу равенства с возможной компенсацией факта «медицинского» неравенства. Полученные М. Яари и М. Бар-Хиллель данные опроса действительно свидетельствуют о существенном преимуществе в оценках решений этой задачи *механизма максимина* («Джонс: 8 грейпфрутов – 0 авокадо; Смит: 4 грейпфрута – 12 авокадо»)¹.

¹ Такое же решение для задачи дает и еще один механизм распределения – аукцион с исходной нулевой позицией и равновесием по Райфу-Калаи-Смородинскому, однако в дополнительной серии эксперимента, где численное значение эффективности метаболизма Смита было снижено до 20 мг, а все остальные условия задачи остались неизменными, было показано, что решение, предлагаемое теперь только принципом максимина (Джонс: 4-0, Смит: 8-12), набрало то же количество голосов респондентов (82%) [12, р. 10–12]. **Интересно, что дальнейшее** уменьшение возможностей метаболизма бедняги Смита до 9,1 мг витамина F из каждого плода вдвое сократило уровень поддержки респондентами *механизма максимина*, сохранив, однако, его роль модального значения для выборки, изучавшейся М. Яари и М. Бар-Хиллель. Это позволило последним сделать вывод о том, что даже в простых ситуациях, когда уровень удовлетворения потребностей может быть сравнительно легко измерен и межличностные сопоставления возможны, формальный критерий равного удовлетворения как итог использования механизма максимина, может вести к результатам, плохо согласующимся с моральной интуицией. Со своей стороны отметим, что описываемая ситуация является (возможно, без сознательного умысла авторов) пародией на расхожую критику другого подхода к дистрибутивной справедливости – утилитаризма. Критикуя утилитаристские взгляды, Р. Нозик описал мысленный эксперимент с «Монстром полезности», способным использовать ресурсы с многократно большей пользой и удовольствием, чем другие члены общества, что, с точки зрения утилитаризма, делает пренебрежимо малым проигрыш остальных при перераспределении общественных ресурсов в пользу монстра [10, с. 60–67]. **В примере** со Смитом мы имеем ровно обратную ситуацию – при достаточно большой ущербности его метаболизма, эгалитаристский лозунг равного удовлетворения его потребностей может резко ухудшить положение всех остальных (без малейшего изменения их потребностей). Иными словами, мы сталкиваемся здесь со своего рода «Монстром потребностей». Это рассуждение приобретает более очевидный характер, если речь идет не о первичных благах и потребностях, а именно о реальных общественных ресурсах, например, расходуемых на образование: обеспечение равного уровня удовлетворения потребностей в образо-

Этот механизм (его выбрали 82% респондентов) обладает свойством компенсировать исходные различия «в пользу слабого» с целью выравнивания уровня удовлетворенности потребностей реципиентов, что подтверждает наше предположение¹. В данном контексте максимин уравнивает индивидуальные удовлетворенности за счет неравенства в абсолютном распределении набора благ в примерном соответствии с «принципом различия» Дж. Ролза [13], призванным скорректировать строго эгалитаристскую позицию для улучшения положения наименее благополучных реципиентов.

Рассмотрим пример задачи о вкусах (задача II), где полезности для гипотетических реципиентов определялись их вкусами при одинаковых доходах: в случае Джонса, как любовь к грейпфрутам и готовность покупать их в любом количестве при условии, что цена на них не превышает \$1 за фунт; в случае Смита, как одинаковая любовь к тому и другому фруктам и готовность покупать их в любом количестве при условии, что цена на них не превышает \$0,5 за фунт. В остальном эта задача была идентична задаче I, включая и их формализации², и набор решений, из которых описанные выше механизмы распределения и выбирали наилучшее, т.е. соответствующее какому-то критерию равновесия. Набор решений также предлагался будущим студентам для выбора само-

вании (если бы он допускал столь же прямые измерения и сопоставления) для тех, кто его «плохо усваивает», могло бы стать чрезмерной роскошью даже для большого образовательного бюджета.

¹ Более того, если бы гипотетический Джонс также согласился со справедливостью такого распределения, мы могли бы предположить, что отношения между реципиентами могут быть описаны еще более сильными микроуровневыми принципами взаимного альтруизма или родственного отбора, действующими в контексте семьи, родства и других «тесных» связей.

² Эта формализация с учетом введенных ранее обозначений такова: $w = (12, 12)$; $\theta^j: v_j(x, y) = 100x$; $\theta^s: v_s(x, y) = 50x + 50y$, где v_j и v_s – это функции полезности для Джонса и Смита соответственно, численно определяющие характеристики их индивидуальных предпочтений, которые могут содержательно интерпретироваться как отражения потребностей (предыдущая задача), вкусов (данная задача), убеждений и т.п.

го справедливого. Но распределение оценок справедливости этих решений было, как уже отмечалась, совершенно иным, чем в задаче I. На первое место по популярности вышло решение, предлагаемое *утилитаристским критерием* (максимизирующим суммарную полезность для обоих реципиентов), а решения, соответствующие максимину и модели Райфы-Калаи-Смородинского (см. выше) оказались менее популярными. Модификация задачи о вкусах, формально аналогичная той модификации задачи для потребностей, которая описывалась выше («Смит... готов покупать грейпфруты и авокадо в любом количестве при условии, что цена на них не превышает \$0,2 за фунт»), привела к росту поддержки прежнего утилитаристского решения (47%) и поддержке второго по популярности решения по методу торга с нулевой позиции в версии Райфы-Калаи-Смородинского (28%, как и для предыдущей формулировки задачи). Предлагаемое в этом случае максимином решение (см. выше) смогло завоевать поддержку лишь 6% респондентов.

Возникает вопрос: *«Почему (при неизменности формального представления, функций полезности и набора решений) респонденты больше не хотели компенсировать Смиту его недостаточную способность наслаждаться плодами?»* Исходя из предложенной выше перспективы, можно посмотреть на условия задачи II, как явно вводящие признаки *макросоциального* контекста взаимодействия: использование денег как средств обобщенного обмена и способа учета интереса к благам, наличие информации о статусах индивидов, вовлеченных во взаимодействие (принадлежность к одной группе дохода). В этой ситуации информация о вкусах реципиентов отражала лишь их готовность вкладывать свои ресурсы в приобретение благ, поэтому справедливым решением казалось то, которое увеличивает «общественную эффективность распределения» (в данном случае, совокупную полезность Смита и Джонса¹) и отражает различия в интересах как готовности инвестиро-

¹ В единицах полезности утилитаристский механизм (12-0; 0-12) дает (1200; 600), а максимин (8-0; 4-12) соответственно (800; 800).

вать, которые должны вознаграждаться различиями в возврате на инвестиции (дистрибутивная справедливость). С этим рассуждением согласуется и замечание М. Яари и М. Бар-Хиллель, отмечающих, что результаты варьирования условий задачи I (со снижением коэффициента полезности для Смита с 50 до 20) следует рассматривать с учетом того факта, что «максимин – это механизм, имеющий тенденцию компенсировать Смиту любое снижение в его коэффициенте полезности, тогда как утилитаристский механизм склонен наказывать Смита за причинение такого снижения» [12, р. 15]. Как представляется, этот пример особенно ярко иллюстрирует тезис о том, что задача социологической теории восприятия справедливости – объяснить причины и резоны, определяющие вариативность оценок справедливости этих решений в различных контекстах восприятия, необъяснимую с точки зрения формальных экономических моделей.

Рассмотренные нами примеры показывают роль разноуровневых социальных контекстов в оценке справедливости распределения благ. А как сказывается на оценке дистрибутивной справедливости введение дополнительной контекстной информации о тех заслугах и усилиях индивидов, которые связаны с производством будущих благ? Если речь идет о распределении ресурсов, необходимых для производства благ, то, как показали, например, недавние эксперименты М. Фаравелли [14], дополнительная информация о различиях в трудовых усилиях двух гипотетических реципиентов – Робинзона и Пятницы – в выращивании урожая вела к доминированию утилитаристского принципа распределения саженцев плодовых деревьев, максимизирующего эффективность, тогда как введение в предъявлявшиеся респондентам виньетки упоминаний об объективных ограничениях в возможностях работников (или о необходимом для выживания уровне потребления плодов) способствовало росту популярности механизма максимина¹.

¹ Здесь, как и в работе М. Яари и М. Бар-Хиллель, изучалось восприятие *честности* распределения с позиции незаинтересованного арбитра (третьей стороны).

Интересно отметить, что при принятии решений о справедливом механизме распределения дохода на уровне *реальной группы*, вовлеченной в совместную деятельность, действуют как минимум два механизма: один ориентирован на реализацию поощряющего индивидуальные усилия утилитаристского принципа максимизации среднего дохода, другой – на поддержку минимального «базового» уровня дохода. Равнодействующая этих принципов – утилитаризм с гарантированным минимальным уровнем дохода – в условиях эксперимента, включающего фазу совместной деятельности и приближенного к реальной жизни, значительно превосходит по популярности максимин. По результатам исследования, проведенного Н. Фроличем и Дж. Оппенхаймером, более чем в 80 экспериментальных группах американских и польских студентов с целью выбора справедливого способа перераспределения полученного группой дохода максимин (реализующий принцип различия Ролза) получил поддержку менее 1,5% всех участников [15, цит. по: 3, р. 375]. Эгалитаризм является самым непопулярным принципом при всех условиях, когда существует наблюдаемая взаимосвязь между индивидуальным вкладом, эффективностью и долей дохода. Он может оцениваться как приемлемый лишь в одном случае – когда распределение благ носит заведомо случайный и произвольный характер, никак не со-

дью), тогда как во многих других исследованиях респонденты выступали в роли заинтересованного участника, выбирающего принцип распределения без точного знания собственного выигрыша. Преимуществом последней экспериментальной схемы является возможность исследовать влияние инструментальных целей индивида на оценку их нормативных принципов справедливости, однако отсюда следует и ее главное ограничение: сама возможность получения выгоды от использования того или иного нормативного принципа (эгалитаристского, утилитаристского и т.д.) делает любой результат потенциально подверженным систематической ошибке, которую нельзя полностью элиминировать, дозируя информацию о возможных последствиях. Образно говоря, даже не зная о том, кому достанется тот или иной кусок пирога, делящий может исходить из каких-то предположений, основанных на неполной или ложной информации, которые кажутся ему достаточным основанием для нарушения любого принципа.

относясь с деятельностью группы [15, см. также о непопулярности эгалитаризма в выборочных исследованиях восприятия справедливости на макроуровне: 11, р. 1194–1195].

Важным условием позитивной оценки членами группы перераспределения группового дохода для обеспечения минимального уровня дохода наименее успешных ее членов является, по-видимому, идентификация с группой. При этом под групповой идентичностью понимается уже не принадлежность к семье, родственной группе или племени, а принадлежность к обществу, для которого существует общее ядро моральных представлений [16].

Возможно, в социологических объяснительных моделях механизм распределения, основанный на максимизации минимального дохода и компенсирующий неравенство распределения слабейшим, было бы логичнее рассматривать не как реализацию самостоятельного принципа справедливости (или дополнение к эгалитаристскому принципу), а в качестве проявления тенденций *альтруизма* (или милосердия) как добровольной односторонней передачи благ и ресурсов в пользу наиболее нуждающихся без учета их усилий, заслуг или наличия законных прав¹. Это позволило бы лучше понять границы действия этого механизма, тесно связанные с понятием «сообщества» в широком смысле, и предотвратить иногда возникающую концептуальную путаницу. В частности, в партикуляристских микросоциальных контекстах семьи и родства принцип альтруизма имеет практически неограниченный диапазон применения, основанного «скорее на пристрастности и симпатии, чем на непредвзятости и эмпатии» [17]. Это, вероятно, обеспечивается «древнейшими социальными инстинктами», первоначально возникшими на основе механизмов родственного отбора и взаимного альтруизма [18], тогда как рас-

¹ Разумеется, мы говорим о возможной социологической теории, объясняющей известные факты, а не об этической доктрине.

пространение принципа альтруизма на более масштабные контексты малых и больших групп, обществ и в пределе всего человечества требует некоторых гарантий универсализации. Проявляя милосердие к N, я нуждаюсь в гарантиях того, что он поступит аналогично, оказавшись на моем месте, пусть и не по отношению ко мне, поскольку в ином случае я не просто понесу издержки, но и буду прямо поддерживать оппортунистическое и потенциально деструктивное поведение. Такими гарантиями могут выступать наличие эффективных механизмов группового контроля, индивидуальная репутация реципиента (если такая информация доступна) и признаки общей групповой (или общечеловеческой) идентичности, сигнализирующей о минимальной моральной солидарности [16]. В то же время для справедливости как честности или процедурной справедливости гарантии общей групповой идентичности и принадлежности к *моральному сообществу*, строго говоря, не столь важны: мы можем и, по крайней мере в некоторых сообществах и культурах, должны проявлять их и к врагам, и к тем, кто заведомо не разделяет наших представлений о честности и процедурной справедливости¹. Разумеется, эта часть нашей теории пока носит спекулятивный характер и нуждается в дополнительном эмпирическом обосновании.

Данные кросскультурных экспериментов, проводимых далеко за пределами университетских кампусов, в доиндустриальных обществах также подтверждают влияние социального контекста взаимодействия на процессы оценивания справедливости распределения. Например, первые результаты масштабного исследования поведения в играх типа «Ультиматум», «Диктатор»,

¹ Можно предложить различные объяснения этому факту, однако их анализ не входит сейчас в наши задачи. В качестве одного из возможных объяснений можно указать на то, что нарушение норм процедурной справедливости и честности пусть и по отношению к врагам делигитимирует сами эти нормы, поскольку они должны быть универсальными еще и в том смысле, чтобы трактоваться как применимые вне зависимости от индивидуальных заслуг и моральных качеств.

«Общественные блага» в 15 небольших сообществах (собиратели, примитивные земледельцы, скотоводы, представители простых аграрных обществ) позволили сделать три важных вывода [19; см. также 20, с. 107–172].

1. Каноническая модель максимизирующего [эгоистического] поведения по данным поведенческих экспериментов не подтверждается ни для одного из обществ.

2. Значительная доля различий в поведении объясняется переменными группового уровня, отражающими различия в социальной и экономической организации исследованных сообществ.

3. Переменные индивидуального уровня (экономические, демографические) не объясняют внутригрупповых и межгрупповых различий в поведении.

Существуют и другие примеры, позволяющие проиллюстрировать продуктивность предложенного «уровневого» подхода к построению контекстных теорий справедливости для вторичного анализа экспериментальных, опросных, сравнительно-исторических и этнографических данных, однако их затруднительно рассмотреть в рамках одной статьи. Ограничимся еще одной ссылкой на скорее нетипичный пример исследований восприятия справедливости распределения, получивший, однако, значительную известность за пределами узкопрофессиональной аудитории. Он относится к исследованию поведения приматов, который позволил продемонстрировать не только их приверженность к упоминавшемуся выше реципрокному обмену в диадах (в эволюционной психологии имеет хождение термин «реципрокный альтруизм»¹): шимпанзе способны поддерживать отсроченный обмен разнообразными услугами – от помощи в вычесывании паразитов до ухода за детенышами и под-

¹ Под *реципрокным обменом* здесь понимается совокупность актов обмена, в которых донор и реципиент периодически меняются ролями, выгоды, получаемые реципиентом, превосходят издержки донора, а каждый последующий дар, за исключением первого, обусловлен предыдущим [21, р. 351].

держки в стычках [22]. Аналогичные эксперименты с капуцинами демонстрируют также давние эволюционные корни принципа дистрибутивной справедливости в совместной деятельности («равные вознаграждения на равный вклад»), применяемого этими приматами весьма дифференцировано – с учетом не только количества, но и качества усилий, вознаграждения, готовности отдельных участников нести издержки на поддержание норм честного распределения наград [20, с. 355–362].

Рассмотренные примеры не отвечают на все вопросы. Так, мы пока не представили систематический анализ роли таких важных контекстных параметров оценивания справедливости решений, как характер распределяемых объектов (ресурсы, блага, издержки, санкции и т.п.) или сфера принимаемых решений, ролевая позиция субъекта (детально анализировались лишь примеры с оценками, выносимыми в роли третьей стороны, а не непосредственного участника взаимодействия) и фокус оценивания (результаты решения или его процедура). Однако результаты вторичного анализа ограниченного множества случаев, как представляется, демонстрируют значительный объяснительный потенциал неэволюционного «уровневого» подхода к созданию контекстных теорий, трактующих восприятие справедливости на микро-, мезо- и макроуровнях социальной организации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Walzer M.* Spheres of Justice. Oxford: Blackwell, 1983.
2. *Рикер П.* Справедливое / Пер. с фр. М.: Гнозис-Логос, 2005.
3. *Boudon R., Betton E.* Explaining the Feelings of Justice // *Ethical Theory and Moral Practice*. 1999. Vol. 2. P. 365–398.
4. *Nolan P., Lenski G.* Human Societies: An Introduction to Macrosociology. 10-th ed. Boulder, CO: Paradigm Publishers, 2006.
5. *Девятко И.Ф.* От теорий социетальной эволюции к анализу глобального общества: альтернативные интерпретации и перспективы синтеза // *Россия реформирующаяся: Ежегодник / Отв. ред. М.К. Горшков. М.: Ин-т социологии РАН, 2007. С. 82–110. Вып. 6.*

6. *Татарова Г.Г.* Основы типологического анализа в социологических исследованиях. М.: Изд. дом «Новый учебник», 2004.
7. *Салинз М.* О социологии примитивного обмена // *Салинз М.* Экономика каменного века / Пер. с англ. О.Ю. Артемовой, Ю.А. Огороднова, Л.М. Огородновой. М.: О.Г.И., 1999.
8. *Девятко И.Ф.* Социологические теории деятельности и практической рациональности. М.: ИС РАН; Аванти Плюс, 2003. С. 245–247.
9. *Homans G.K.* Social Behavior: Its Elementary Forms. 2nd ed. N.Y.: Harcourt, Brace and World, 1961, 1974.
10. *Нозик Р.* Анархия, государство и утопия / Р. Нозик; Пер. с англ. Б. Пинскера; Под ред. Ю. Кузнецова, А. Куряева. М.: ИРИСЭН, 2008.
11. *Konow J.* Which Is the Fairest One of All? A Positive Analysis of Justice Theories // *Journal of Economic Literature*. December 2003. Vol. XLI. P. 1188–1239.
12. *Yaari M., Bar-Hillel M.* On Dividing Justly // *Social Choice and Welfare*. 1984. Vol. 1. No. 1. P. 1–24.
13. *Rawls J.* A Theory of Justice. London: Oxford University Press, 1971 (Рус. пер.: *Ролз Дж.* Теория справедливости / Пер. и ред. В.В. Целищева. Новосибирск: Изд-во Новосибирского университета, 1995).
14. *Faravelli M.* How Context Matters: A Survey Based Experiment on Distributive Justice // *Journal of Public Economics*. August 2007. Vol. 91. Iss. 7-8. P. 1399–1422. (doi:10.1016/j.jpubeco.2007.01.004).
15. *Frohlich N., Oppenheimer J.A.* Choosing Justice, an Experimental Approach to Ethical Theory. Oxford: University of California Press, 1992.
16. *Hegvedt K.A.* Doing Justice to the Group: Examining the Roles of the Group in Justice Research // *Annual Review of Sociology*. 2005. Vol. 31. P. 25–45.
17. *Ulmann-Margalit E.* Family Fairness // *Social Research*. 2006. Vol. 73. No. 2. P. 575–596.
18. *Richerson P.J., Boyd R.T.* Institutional Evolution in the Holocene: The Rise of Complex Societies // *The Origin of Human Social Institutions: Proceedings of the British Academy* / Ed. by W.G. Runciman. 2001. Vol. 110. P. 197–204.
19. *Henrich J., Boyd R., Bowles S., et al.* «Economic Man» in Cross-cultural Perspective: Behavioral Experiments in 15 Small-scale Societies // *Behavioral and Brain Sciences*. 2005. Vol. 28. P. 795–855.
20. *Хаузер М.* Мораль и разум: Как природа создавала наше универсальное чувство добра и зла / Под ред. Ю.И. Александрова; Пер. с англ. Т.М. Марютиной. М.: Дрофа, 2008.
21. *Waal F.B.M. de.* Joint Ventures Require Joint Payoffs: Fairness Among Primates // *Social Research*. Summer 2006. Vol. 23. No. 2. P. 349–364.
22. *Waal F.B.M. de.* Chimpanzee Politics: Power and Sex among Apes. Baltimore: Johns Hopkins University Press, (1982) 2000.